

Собрание сочинений  
Н. И. КАРБЕВА.

КРИТИКА ЭКОНОМИЧЕСКАГО МАТЕРИАЛИЗМА.

(Старые и новые этюды).

Т. III.



КИЕВО-ПРОМЕТЕЙ-  
Н. Н. МИХАЙЛОВА

Н. И. КАРЂЕВЪ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Т. III.

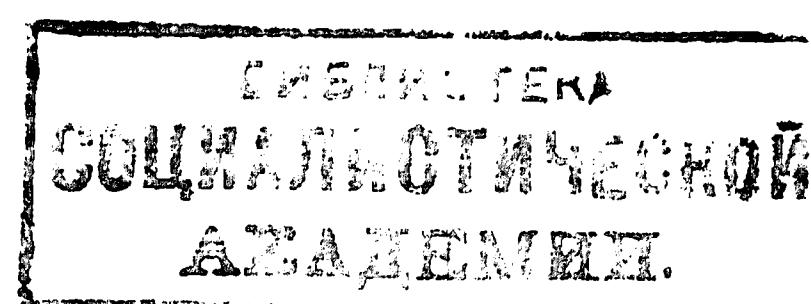
Н. И. КАРЂЕВЪ.

X

КРИТИКА ЭКОНОМИЧЕСКАГО МАТЕРИАЛИЗМА.

(Старые и новые этюды).

165813.



1913.  
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

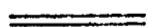
112

БІБЛІОТЕКА  
ІМ. І. КАРБЕВОГО

23

## Н. И. КАРБЕВЪ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.



Т. I. Исторія съ философской  
точки зрењня.

Т. II. Философія исторіи въ  
русской литературѣ.

Т. III. Критика экономическо-  
го матеріализма.

Т. IV. Самообразование и вы-  
работка міросозерцанія.



Л.Л.Л.Л.Л.  
Тип. т-ва „Общ.  
Польза“, Бол.  
Подъяч., 39.  
УУУУУУУУУУ

# О г л а в л е н і е.

---

	Стр.
Предисловіе къ III тому . . . . .	V
I. Вступленіе . . . . .	1
II. Происхожденіе историческаго направлениія въ совре- менной исторіографії . . . . .	6
III. Происхожденіе и содержаніе экономического материа- лизма, какъ исторической теоріи . . . . .	15
IV. Исторіологическая воззрѣнія Маркса и Энгельса . .	42
V. Разборъ аргументаціи нѣмецкихъ сторонниковъ эконо- мического материализма . . . . .	55
VI. Измѣненія, вносимыя въ экономической материализмъ нѣкоторыми его послѣдователями . . . . .	81
VII. Попытка обоснованія экономического материализма въ книгѣ Лоріа . . . . .	97
VIII. Экономический материализмъ въ «Критическихъ замѣт- кахъ» П. Б. Струве . . . . .	122
IX. Экономический материализмъ въ «Монистическомъ взглядѣ на исторію» г. Бельтова . . . . .	146
X. Отношеніе къ экономическому материализму критиковъ гг. Струве и Бельтова . . . . .	168
XI. Взглядъ М. И. Туганъ-Барановскаго на значеніе эко- номического фактора въ исторіи . . . . .	204
XII. Что такое экономический материализмъ? . . . . .	211

односторонними. Этимъ, я думаю, опредѣляется дѣйствительное значение книги т. Струве въ литературѣ по экономическому материализму.

---

## IX. Экономический материализмъ въ „Монистическомъ взглядѣ на исторію“ г. Бельтова.

Книга г. Н. Бельтова<sup>1)</sup> распадается на слѣдующія главы: „французскій материализмъ XVIII вѣка“, „французскіе историки временъ реставраціи“, „утописты“, „идеалистическая иѣменская философія“, „современный материализмъ“, „заключеніе“ и „приложеніе“. Это, если хотите, цѣлая исторія генезиса того „монистического взгляда на исторію“, который защищается авторомъ въ качествѣ экономического материалиста. Въ этой исторіи много любопытнаго и поучительнаго, но, на мой взглядъ, она плохо служить той цѣли, какую поставилъ себѣ авторъ. Г. Бельтову хочется прежде всего доказать, что экономический материализмъ вовсе не „такъ узокъ и бѣденъ по содержанію, какъ это кажется“ его критикамъ (стр. 1), а для этого г. Бельтовъ старается поставить экономический материализмъ въ связь съ материализмомъ въ общефилософскомъ смыслѣ. Что связь между обоими существуетъ, это само собою разумѣется: и одинъ есть материализмъ, и другой—материализмъ, но оба суть материализмы далеко не въ одномъ и томъ же смыслѣ<sup>2)</sup>. Гораздо любопытнѣе изложеніе г. Бельтовымъ историческихъ возврѣній французскихъ материалистовъ. Онъ указываетъ, именно, на противорѣчіе въ ихъ взглядахъ на исторію: съ одной стороны, они думали, что „человѣкъ со всѣми своими мнѣніями есть плодъ среды и преимущественно общественной среды“, съ другой же, говорили, что „среда со всѣми своими свойствами есть плодъ мнѣній“ (стр. 6). Да, такъ, дѣйствительно, учили французскіе материалисты XVIII в., но изъ того, что такъ учили материалисты, отнюдь еще не слѣдуетъ, что это ихъ ученіе было материалистическимъ: они говорили преимущественно объ общественной средѣ, а не о средѣ физической, и о мнѣніяхъ людей, а не о тѣлесныхъ

---

<sup>1)</sup> Н. Бельтovъ. Къ вопросу о развитіи монистического взгляда на исторію.

<sup>2)</sup> См. выше, стр. 35 и слѣд. Той стороны вопроса, о которой идетъ рѣчь у насъ на указанныхъ страницахъ, г. Бельтовъ касается только мимоходомъ напр., на стр. 63.

ихъ потребностяхъ. Это разъ, а во-вторыхъ, самъ г. Бельтовъ заявляетъ, что „разъ вы найдете правильную точку зрения, противорѣчіе исчезнетъ“ (стр. 9), и я съ этимъ соглашаюсь, ибо такая правильная точка зре́нія существуетъ: по моему мнѣнію, которое я уже съ особою подробностью развивалъ въ книгѣ „Сущность исторического процесса“, это—идея взаимодѣйствія личности и культурно-соціальной среды. Г. Бельтовъ самъ приходитъ къ идеѣ взаимодѣйствія (стр. 10), но высказываетъ ту мысль, что, къ сожалѣнію, „эта точка зре́нія не даетъ никакихъ указаний на счетъ происхожденія взаимодѣйствующихъ силъ“ (стр. 11). Разсуждая, однако, на эту тему, онъ незамѣтно подмѣнилъ понятіе среды понятіемъ государственного устройства, а понятіе мнѣній—понятіемъ нравовъ (стр. 9, 10, 11), что далеко не одно и то же. Хотя уже Гельвецій дѣлалъ „попытку объяснить общественное и умственное развитіе человѣчества материальными нуждами“ (стр. 12), но задачу „открыть факторъ, который опредѣляетъ собою и развитіе общественной среды, и развитіе мнѣній“ долженъ былъ выполнить лишь XIX вѣкъ (стр. 11). Такъ говоритьъ г. Бельтовъ, находя, что эта „интересная“ попытка „до сихъ порь не оцѣнена была по достоинству“ (стр. 12), хотя самъ же лишь мимоходомъ о ней упоминаетъ и ничего о ней болѣе не говоритъ, дабы читатель дѣйствительно могъ ее оцѣнить по достоинству, такимъ образомъ заставляя вѣрить себѣ на слово, что такая „попытка“ была сдѣлана и что она заслуживаетъ вниманія.

Подмѣнивъ общественную среду государственнымъ устройствомъ, которое есть лишь одна сторона этой среды, и замѣнивъ мнѣнія нравами, т.-е. одну сторону духовной культуры (идей) другою (извѣстными привычками), или при другомъ пониманіи дѣла внутреннія побужденія къ дѣятельности извѣстнаго рода проявленіемъ культурной среды, г. Бельтовъ спрашиваетъ себя, какъ понимали взаимодѣйствіе между нравами народа и его государственнымъ устройствомъ французские историки временъ реставраціи. По его словамъ, они (именно Ог. Тье́ри, Гизо и Минье) отвѣтили бы въ вѣтъ томъ смыслъ, что и государственное устройство, и нравы „обязаны своимъ существованіемъ третьему, глубже лежащему, фактору: гражданскому быту людей, ихъ имущественнымъ отношеніямъ“ (стр. 20). Французские историки эпохи реставраціи, отражавши на себѣ классовую борьбу аристократіи и буржуазіи, которая характер-

ризовала это время<sup>1)</sup>, действительно обратили внимание на историю имущественныхъ отношений, но, во-первыхъ, самъ же авторъ „Монистического взгляда“ находитъ, что эти историки „въ высшей степени неудовлетворительно“ „объясняли себѣ происхожденіе имущественныхъ отношений“, а во-вторыхъ, г. Бельтовъ ошибается, заявляя, будто „внимательное изученіе этихъ отношений одно только могло, по ихъ (историковъ) мнѣнію, дать ключъ къ пониманію историческихъ событій“ (стр. 21). Это говорится о Гизо, признававшемъ такую важную роль за индивидуальнымъ развитіемъ! Это говорится объ От. Тьерри съ его теоріей расъ, играющей такую роль въ объясненіи событій! Но если бы эти историки и вполнѣ для г. Бельтова вполнѣ понимали происхожденіе имущественныхъ отношений, развѣ въ государственномъ устройствѣ и въ нравахъ заключается вся история? Замѣчу притомъ, что на дѣлѣ ни Гизо, ни От. Тьерри не объясняли даже всего въ государственномъ устройствѣ и въ нравахъ одними имущественными отношениями.

Такъ какъ французскіе историки временъ реставраціи не разъяснили, по мнѣнію г. Бельтова, вопроса, то, думаетъ онъ, имъ оставалось одно средство выпутаться изъ затрудненія, ссылаясь на „человѣческую природу“.

„Взглядъ на человѣческую природу,—говорить онъ,—какъ на высшую инстанцію, въ которой решаются все казусыя дѣла изъ области права, морали, политики, экономіи, были цѣликомъ унаследованы писателями XIX вѣка отъ просвѣтителей прошлаго<sup>2)</sup> столѣтія“ (стр. 26). Г. Бельтовъ критикуетъ то, какъ смотрѣли въ XVIII в. на человѣческую природу, и на это онъ имѣть полное право, каковое и дается ему невѣрностью взглядовъ на человѣческую природу, высказывавшихся просвѣтителями, но изъ этого не слѣдуетъ, будто въ качествѣ „верховнаго мѣрила (?) человѣческая природа должна считаться разъ навсегда данной неизмѣнною“ (стр. 28). Человѣческую природу изучаетъ психологія, которая стоитъ теперь на эволюціонной точкѣ зренія, и какъ бы ни была подтверждена измѣненіямъ, въ процессѣ своего развитія, эта человѣческая природа, безъ понятія о ней вѣдь никакъ не обойдешься въ вопросахъ изъ области „права, морали, политики, экономіи“, да и въ другихъ областяхъ, которыми занимается исто-

<sup>1)</sup> См. мою „Ист. Зап. Европы“, т. IV, стр. 28—290.

<sup>2)</sup> Т. е. XVIII в.

рія (протисхожденіе и развитие религії, філософії, поезії, искусства, науки и т. д.). Защищая отъ г. Бельтова право „человѣческой природы“ существовать въ смыслѣ научнаго термина, подъ которымъ разумѣется, конечно, совокупность всѣхъ явленій человѣческой жизни, изслѣдуемыхъ наукой, мы должны, однако, отмѣтить, что, нападая на это понятіе, совершенно законное въ науцѣ, авторъ, въ сущности, приводитъ примѣры не-научнаго пониманія человѣческой природы у утопическихъ социалистовъ, придумывавшихъ совершенное законодательство при помощи этого верховнаго мѣрила (стр. 31).

Нами было уже въ своемъ мѣстѣ указано на то, что источниками экономического материализма Маркса были французскій соціализмъ и нѣмецкая идеалистическая філософія. Тѣмъ съ болѣшимъ интересомъ должны мы были читать главу въ книгѣ г. Бельтова, посвященную исторіологическимъ взглядамъ „утопистовъ“. Къ сожалѣнію, о нихъ говорится въ этой главѣ очень мало, кромѣ Сень-Симона и Анфантена (что, впрочемъ, и понятно), но гораздо больше авторъ полемизируетъ съ разными русскими своими противниками по вопросамъ, не имѣющимъ прямого отношенія ни къ утопистамъ, ни къ экономическому материализму. Нового о Сень-Симонѣ, онъ, однако, тутъ ничего не сказалъ, кромѣ того, что и этотъ мыслитель не сумѣлъ выпутаться изъ заколдованного круга взаимодѣйствія (стр. 36). Уже прежде указывалось на важное значеніе Сень-Симона въ исторіи соціологіи и на его чисто экономическое (вѣрнѣе индустриальное) пониманіе общества<sup>1)</sup>, и въ послѣднемъ смыслѣ онъ можетъ фигурировать въ исторіи генезиса экономического материализма, но вѣдь тотъ же Сень-Симонъ признавалъ „развитіе знаній за очевидный факторъ историческаго движенія“ и даже, какъ выражается самъ г. Бельтovъ, „доводилъ идеалистический взглядъ на исторію до послѣдней крайности“ (стр. 35), чего мы, признаться, въ этомъ не видимъ, пользуясь тутъ случаемъ отмѣтить одно: значитъ, Сень-Симонъ не былъ одностороннимъ „материалистомъ“. Наконецъ, то, что г. Бельтovъ говоритъ объ Анфантенѣ (стр. 41—43), имѣеть интересъ для политической экономіи, но лишено всякаго значенія для рѣшенія вопроса о генезисѣ экономического материализма. Мы думаемъ, что, изучая генезисъ послѣдняго, авторъ сдѣлалъ непроститель-

<sup>1)</sup> Ср. выше, стр. 39 п „Ист. Зап. Евр.“, т. IV, стр. 642.

ную ошибку, оставивъ безъ разсмотрѣнія историка-соціалиста Луи Блана, который выступилъ много раньше Маркса и въ возврѣніяхъ котораго мы видимъ, съ одной стороны, дальнѣйшее развитіе взгляда Ог. Тьери и Гизо на классовую борьбу въ исторіи, а съ другой, и дальнѣйшее развитіе соціалистической идеи Сенъ-Симона <sup>2)</sup>.

Другой источникъ экономического материализма, это—немецкая идеалистическая философія XIX в. Такъ на дѣло смотритъ и г. Бельтовъ въ главѣ, посвященной этой философіи. Авторъ совершенно вѣрно (но это не ново, потому что относится къ числу общепризнанныхъ истинъ) находитъ, что французскій материализмъ XVIII в. всегда обнаруживалъ поразительную слабость, когда ему приходилось сталкиваться съ вопросами развитія въ природѣ или въ исторіи (стр. 68). Матеріализмъ былъ даже неспособенъ выработать идею развитія, и вотъ ею овладѣла идеалистическая философія. Все это прекрасно, но дѣло въ томъ, что г. Бельтовъ, мало знакомый со многими фактами въ исторіи наукъ, довольно невѣрно представилъ дѣло, отожествивъ всю исторію и идеи развитія съ гегельянствомъ, въ которое онъ притомъ вносить нечто, чего въ немъ не было. Именно, онъ говоритъ, что Гегель „называлъ“ метафизическими матеріалистическія и идеалистическія точки зрењія, не умѣвшія объяснить или понять развитіе, въ отличіе отъ чего и создалъ свою діалектику (стр. 71). Во-первыхъ, Гегель не противополагалъ метафизики діалектикѣ, да и не могъ этого сдѣлать, ибо понятіе метафизики относится къ задачѣ или предмету философіи, а понятіе о діалектикѣ — къ понятію ея метода. Во-вторыхъ, такъ противопоставили одно другому тѣ литературные источники, откуда г. Бельтовъ черпалъ свои свѣдѣнія о гегельянствѣ: Гегель самъ такъ не-эволюціонныхъ (употребляя современный терминъ) философовъ не называлъ. Кроме того, г. Бельтовъ не знаетъ, что раньше метафизического (смѣло употребляемъ это слово), діалектического, чисто логического, абстрактнаго ученія Гегеля о развитіи, идея развитія въ примененіи къ человѣческому обществу и притомъ въ натуралистическомъ, органическомъ, реальномъ пониманіи уже высказывалась въ литературѣ де-Местромъ по отношению къ обществу вообще и въ частности къ государственнымъ формамъ,

<sup>1)</sup> Ср. выше, стр. 40 (прим.).

Савини по отношению къ праву, В. фонъ-Гумбольдтомъ по отношению къ языку и т. п. <sup>1)</sup>). Современный научный эволюционизмъ стоять гораздо ближе къ органическому пониманію развитія у названныхъ писателей, чѣмъ къ діалектическому пониманію Гегеля, хотя, напр., лично въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ я и отдаю предпочтеніе Гегелю <sup>2)</sup>). Мы не станемъ разсматривать вопросъ, вѣрно ли г. Бельтовъ понялъ гегелевскую „триаду“, ибо къ экономическому материализму это не относится: „триада“, это—форма процесса, содержаніе котораго можетъ быть совершенно различнымъ, и если бы г. Бельтовъ былъ абсолютно даже правъ въ вопросѣ о „триадѣ“, а нападавшіе на него критики неправы, это ничего не говорило бы ни въ пользу, ни противъ экономического материализма, опредѣляющаго не форму, а содержаніе процесса, и свидѣтельствовало бы только, что кто-нибудь болѣе вѣрно или менѣе вѣрно, совсѣмъ вѣрно или вовсе невѣрно понимаетъ „триаду“, хорошо или плохо знаетъ Гегеля. Къ экономическому материализму относится только вопросъ о томъ, что же гегельянство дало Марксу, а дало ему оно какъ-разъ не содержаніе, но форму, какъ то признаютъ совершенно вѣрно писатели, касавшіеся этого вопроса <sup>3)</sup>). Гегельянство было по содержанію идеалистично, и Марксъ совершенно изгналъ изъ всего того, что воспринялъ отъ Гегеля, всякий идеализмъ, давъ своей теоріи содержаніе материалистическое (въ экономическомъ смыслѣ), замѣнивъ логику экономикой, но сохранивъ діалектическую (логическую) формулу развитія, какъ перехода явленія въ свою собственную противоположность. Но эту формулу онъ примѣнилъ въ исторіи не ко всемъ ея сторонамъ, которые и не пытались всѣ объяснить экономически, а къ процессу развитія формъ производства: феодальный строй переходитъ въ свою противоположность — строй капиталистический, а послѣдній долженъ тоже перейти въ свою противоположность. Но на самую основную концепцію экономического материализма эта формула не оказала ни малѣйшаго вліянія: у исторіи остается на вѣчныя времена одна неподвижная и неизмѣнная основа—

<sup>1)</sup> См. въ моей книгѣ „Сущность исторического процесса“, стр. 399—409.

<sup>2)</sup> Органическая эволюція не допускаетъ идеи кризисовъ или, какъ выражается г. Бельтовъ, скачковъ (стр. 75), тогда какъ Гегель считаетъ возможнымъ перерывъ постепенного (*ein Abbrechen des Allmählichen*).

<sup>3)</sup> См. выше, стр. 38 и 47.

экономіческія отношенія. Если бы Марксъ здѣсь былъ тоже діалектикомъ, а не метафизикомъ, употребляя это слово въ несвойственномъ ему значеніи, придаваемомъ ему г. Бельтovымъ, то эта основа должна была бы также переходить въ свою противоположность, пока полѣдняя сама снова не перешла бы и въ свою противоположность. Г. Бельтовъ написалъ объ идеалистической філософіи слишкомъ много для своей цѣли, т.-е. написалъ немало лишнега, не имѣющаго прямого отношенія къ вопросу, — это характеризуетъ, впрочемъ, всю книгу,—и въ этомъ лишнемъ, конечно, много вѣрнаго, потому что повторяются общеизвѣстныя истины, но кое-что принадлежитъ самому автору и могло бы быть предметомъ спора, отъ которого, однако, теорія экономического материализма ничего не выигрывала бы, если бы г. Бельтовъ былъ правъ, но и ничего не проигрывала бы, если бы его мнѣнія оказались ошибочными. Тутъ есть и о томъ, что діалектическое мышленіе исключаетъ всякия утопіи (стр. 100), что каждая філософія истинна для своего времени и ошибочна для другого (стр. 102), и разсмотрѣніе вопроса объ отношеніи необходимости къ свободѣ (стр. 102 и слѣд.), и доказательство того, что идеализмъ приводить къ фатализму (стр. 106 и слѣд.), и т. д. Идеалисты-діалектики тоже, говорить г. Бельтовъ, какъ и материалисты XVIII вѣка, и соціалисты-утописты, не дали отвѣта на вопросъ, исторія которого его интересуетъ (стр. 110), и онъ объясняетъ, почему не дали, ссылаясь на то, что идеализмъ и не могъ этого сдѣлать.

Всѣ 116 страницъ книги, которые предшествуютъ главѣ, посвященной уже прямо Марксу, ничего новаго для исторіи генезиса экономического материализма не даютъ. Г. Бельтовъ находитъ, что другие излагали эту исторію „съ грѣхомъ пополамъ“, но о немъ самомъ можно сказать, что девять десятыхъ его собственного изложенія грѣшать тѣмъ, что не имѣютъ отношенія къ предмету, даже если исключить полемику по всяkimъ поводамъ съ писателями, которыхъ онъ считаетъ „противниками марксизма“.

Указавъ на зарожденіе новаго материализма, г. Бельтовъ подчеркиваетъ, что этотъ новый материализмъ не могъ быть простымъ повтореніемъ стараго. „Матеріализмъ воскресъ, обогащенный всѣми пріобрѣтеніями идеализма. Важнѣйшимъ изъ этихъ пріобрѣтеній былъ діалектическій методъ, разсмо-

трѣшіе явленій въ ихъ развитіи, въ ихъ возникновеніи и уничтоженіи” (стр. 117). Г. Бельтовъ разсказываетъ потомъ, какъ Фейербахъ и братья Бауэры подняли знамя восстанія противъ идеализма, но Бауэры были „насквозь пропитаны очень поверхностнымъ, одностороннимъ, эклектическимъ идеализмомъ“ (стр. 117 и слѣд.), „безпощаднымъ врагомъ и обличителемъ“ которого и явился Марксъ (стр. 121). Возраженіе Маркса, излагаемое г. Бельтовымъ на стр. 121—122, направлено противъ преувеличеннаго пониманія роли критически мыслящей личности, противополагаемой массѣ, и даже играющей роль чуть не живого воплощенія гегелевскаго *Weltgeist'a*. Г. Бельтовъ при этомъ изображаетъ дѣло такъ, будто „руsskie субъективные соціологи“ точь-въ-точь говорили то же, что критиковалъ Марксъ у лѣвыхъ гегельянцевъ (стр. 123).

Марксъ, коротко говоря, свелъ историческій процессъ къ экономіи. „Но отъ чего зависитъ экономія даннаго общества? Ни французскіе историки,—говорить г. Бельтовъ,—ни соціалисты-утописты, ни Гегель не могли отвѣтить на это сколько-нибудь удовлетворительно. Они прямо или косвенно все ссылались на человѣческую природу. Великая научная заслуга Маркса заключается въ томъ, что онъ подошелъ къ вопросу съ диаметрально-противоположной стороны, что онъ на самую природу человѣка взглянулъ, какъ на вѣчно измѣняющійся результатъ исторического движенія, причина которого лежитъ въ человѣка: чтобы существовать, человѣкъ долженъ поддерживать свой организмъ, заимствуя необходимыя для него вещества изъ окружающей его вѣшней природы. Это заимствованіе предполагаетъ известное дѣйствие человѣка на эту вѣшнюю природу. Но дѣйствуя на природу въ его, человѣкъ измѣняетъ свою собственную природу. Въ этихъ немногихъ словахъ,— заявляетъ г. Бельтовъ,—содержится сущность всей исторической теоріи Маркса, хотя,—оговаривается онъ,—взятыя сами по себѣ, они не даютъ о ней надлежащаго понятія, они нуждаются въ поясненіяхъ“ (стр. 125—126). На эти поясненія мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на разви-  
тие самимъ авторомъ первоначальной идеи Маркса, ибо онъ тутъ ссылается уже на такихъ ученыхъ и на такія ученія, которые хронологически относятся къ болѣе позднему времени, чѣмъ возникновеніе экономического материализма. Прежде, нежели мы разсмотримъ „поясненія“ г. Бельтова, остановимся

на разборъ только-что приведенного нами мѣста, которое якобы „содержить сущность всей исторической теоріи Маркса“.

Марксъ, какъ извѣстно, подошелъ къ вопросу о томъ, отъ чего зависитъ экономія даннаго общества, не со стороны („діаметрально - противоположной“) вѣшней природы. Во-первыхъ, значитъ, Марксъ обратился къ вѣшней природѣ не для объясненія всей исторіи, а только ея экономическихъ отношеній, и если бы даже экономическія отношенія и можно было объяснить исключительно изъ вѣшней природы безъ „діаметрально-противоположнаго“ понятія человѣческой природы, то этимъ еще не доказывалась бы правильность экономического материализма, ибо сведеніе самой-то исторіи на одну экономію остается недоказаннымъ, т.-е. именно Марксъ нигдѣ не доказывалъ, что „причина исторического движения лежитъ въ человѣка“. Во-вторыхъ, несомнѣнно, что экономія даннаго общества обусловлена вѣшнею средою, но вопросъ еще, одною ли средою эта экономія бываетъ обусловлена, т.-е. не играютъ ли роли, въ данномъ случаѣ, расовые особенности племени, большая или меньшая выносливость его въ труде, большая или меньшая плодовитость и т. п., а также и чисто соціальная явленія психологического происхожденія? Въ-третьихъ, отношенія человѣка къ природѣ болѣе сложны, нежели заимствованіе у нея человѣкомъ необходимыхъ для поддержанія организма веществъ: кроме утилитарно-экономического отношения къ природѣ, у человѣка есть къ ней еще отношенія эмоционального и теоретического характера, порождающія миѳологію, религію, искусство, философію, науку. Въ-четвертыхъ, признавая человѣческую природу продуктомъ исторіи, исторію — продуктомъ экономіи, экономію — продуктомъ вѣшней природы, т.-е. заставляя природу дѣйствовать на человѣка, г. Бельтовъ допускаетъ, что и человѣкъ дѣйствуетъ на природу, т.-е. онъ признаѣтъ между ними взаимодѣйствіе, но вѣдь въ исторіи происходитъ взаимодѣйствіе человѣка не только съ природою, т.-е. не съ одною материальною средою, но и со средою общественною, которая есть не только экономическая. Если человѣческая природа измѣняется (если, напр., происходитъ развитіе человѣческой личности), то происходитъ это не потому, что человѣкъ, дѣйствуя на вѣшнюю природу, измѣняетъ свою собственную, а потому, что онъ дѣйствуетъ на среду культурно-соціальную, которая и опредѣляетъ собою „человѣческую природу“ въ каждомъ данномъ обществѣ.

Съ другой стороны, если личность можетъ дѣйствовать на природу, то почему она не можетъ дѣйствовать на общественную среду, предполагая даже, что послѣдняя есть порожденіе только внѣшней природы? Во-пятыхъ, человѣкъ стойть въ извѣстныхъ отношеніяхъ не только къ внѣшней природѣ, но и къ другимъ людямъ. Эти отношенія могутъ быть разныхъ родовъ, но всѣ они предполагаютъ психическое взаимодѣйствіе между людьми, а это психическое взаимодѣйствіе возникаетъ лишь на почвѣ извѣстныхъ сторонъ человѣческой природы, т.-е. изъ внѣшней среды уже никоимъ образомъ этого взаимодѣйствія не выведешь. Выходитъ, что одной внѣшней природы мало для объясненія самой экономіи, если бы послѣдняя даже и была основою всей исторіи.

Г. Бельтовъ такъ же постоянно вооружается противъ „человѣческой природы“, какъ г. Струве—противъ „личности“, но самъ же свои собственные „поясненія“ теоріи онъ начинаетъ съ „отличительной черты человѣка“, состоящей въ „употребленіи и дѣланіи орудій“, т.-е. въ сущности, съ той же человѣческой природы, хотя, конечно, эта „природы“ однимъ этимъ не ограничивается, ибо „отличительными чертами человѣка“ являются еще членораздѣльный языкъ, позволяющій людямъ вступать въ такое психическое взаимодѣйствіе, которое животнымъ недоступно, а рядомъ съ языкомъ еще та ступень психического развитія, которая позволяетъ людскимъ обществамъ интегрироваться до бесконечности, тогда какъ животныя общежитія не идутъ далѣе муравейника, роя пчелъ, стаи птицъ, стада обезьянъ и т. п. Притомъ вѣдь на почвѣ языка и общихъ вѣрованій интеграція племенъ предшествуетъ интеграціи на почвѣ общихъ экономическихъ интересовъ. Правда, и г. Бельтовъ признаѣтъ общественность человѣка (стр. 127) и даже ставить въ зависимость отъ этой общественности его способность дѣлать орудія (стр. 128), но онъ не хочетъ обратить вниманія на то, что общественность предполагаетъ способность къ психическому взаимодѣйствію, а у человѣка и обладаніе членораздѣльною рѣчью. Онъ даже, наоборотъ, старается доказать неосновательность мнѣнія, по которому „усилія ума — причина, развитіе производительныхъ силъ — слѣдствіе“ (стр. 129). Что же тутъ неосновательного? Производительные силы зависятъ отъ орудій, орудія — отъ изобрѣтательности, а если изобрѣтательность предполагаетъ тоже уже существованіе извѣстныхъ орудій, которыхъ, въ свою очередь, могутъ существовать лишь подъ условіемъ извѣстнаго развитія произво-

дительныхъ силь, то вѣдь въ процессѣ общественаго развитія мы сплошь и рядомъ встречаемся съ тѣмъ, что признается самимъ г. Бельтовымъ, указывающимъ, какъ въ этомъ процессѣ „причина и слѣдствіе постоянно мѣняются мѣстами“ (стр. 130). Я могъ бы привести и другія выдержки изъ книги г. Бельтова въ томъ же самомъ смыслѣ, напр., такую: „въ общественной жизни, какъ и всюду, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ процессомъ, а не съ отдельнымъ явлениемъ, слѣдствіе, въ свою очередь, становится причиной, а причина оказывается слѣдствіемъ“ (стр. 50). Замѣчу, что тутъ же сейчасъ это и названо у него взаимодѣйствіемъ. Наша точка зренія и есть точка зренія взаимодѣйствія, причемъ въ процессѣ то *A* есть причина *B*, то *B* есть причина *A* (дѣйствіе среды на личность и дѣйствіе личности на среду, напр.), вслѣдствіе чего мы и не можемъ признать, чтобы *A* было безусловною причиной *B*, а потому единственную основою и всего процесса, равно какъ и не можемъ признать такой первопричиной и переосновой *B*. Экономическій материализмъ прѣшлъ какъ-разъ, тѣмъ, что изъ двухъ взаимодѣйствующихъ факторовъ признаетъ одинъ безусловной причиной и единственной основой, тогда какъ мы выдвигаемъ значение и другого фактора, но не для того, чтобы поставить его на такое же мѣсто первого и основного принципа, а для того, чтобы каждому воздать должное. Почему-то г. Бельтovъ говорить, что идею взаимодѣйствія было бы „ошибочно“ (130) прилагать къ понятіямъ усилій ума и развитія производительныхъ силь, но что бы онъ тамъ ни говорилъ о значеніи особыхъ свойствъ географической среды (стр. 132) и какъ бы ни отрицалъ значеніе различныхъ свойствъ человѣческихъ расъ (стр. 133),—будь онъ въ этомъ даже совершенно правъ, чего мы, однако, не думаемъ,—это не устраняетъ взаимодѣйствія между усиліями ума (т.-е. личностью) и развитіемъ производительныхъ силь (совершающимся въ общественной средѣ), каковое взаимодѣйствіе не даетъ права тотъ или другой факторъ (т.-е. психической или экономической) признать за основу всего процесса. Впрочемъ, хорошо еще, что г. Бельтovъ все-таки признаетъ усилія ума, которымъ г. Струве отказываетъ во всякомъ значеніи, вѣря въ одну только стихийность экономического процесса, призывая усилія ума на помощь лишь для совершенніи „прыжка“ изъ царства необходимости въ царство свободы, въ которомъ уже будутъ царствовать одни только эти самыя усилія ума<sup>1</sup>). Шутки

<sup>1</sup>) См. выше, стр. 140 и слѣд.

въ сторону, однако. Конечно, г. Бельтовъ болѣе философъ, чѣмъ г. Струве, но онъ, къ сожалѣнію, постоянно, самъ того, повидимому, не замѣчая, хотя и очень неприсущено для посторонняго глаза, подмѣняетъ одни понятія другими. Пусть онъ будетъ правъ и пусть усилия ума въ развитіи производительныхъ силъ не играютъ самостоятельной роли (чего мы не признаемъ, однако), но вѣдь усилия ума направляются на многія другія стороны личаго и общественнаго существованія, участвуя и въ развитіи духовной культуры, т.-е. хотя бы, напр., философіи или науки, поэзіи или художества. И тутъ вѣдь тоже происходитъ взаимодѣйствіе, т.-е. усилия ума создаютъ и поддерживаютъ умственное богатство, а умственное богатство порождаетъ и направляетъ усилия ума. Если мы даже совсѣмъ уступимъ развитіе производительныхъ силъ вѣшней среды, то ужъ, по крайней мѣрѣ, предоставимъ человѣческой природѣ развитіе духовной культуры (не отрицая, впрочемъ, вліянія вѣшней среды и въ данномъ случаѣ). Пусть будетъ даже невѣрна (она и невѣрна по своей односторонности) формула, которую критикуетъ г. Бельтовъ, что „умъ-де есть главный двигатель исторического прогресса“, что „миръ-де правятъ мнѣнія, т.-е. правитъ человѣческій разумъ“ (стр. 129). Но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы умъ совсѣмъ не былъ никакимъ двигателемъ прогресса, чтобы мнѣнія (притомъ всякия мнѣнія, иногда самыя неразумныя) совсѣмъ-таки не играли никакой роли въ исторіи. Къ счастью, г. Бельтовъ такъ далеко не идетъ. „Излагаемое нами ученіе,—говорить онъ,—вовсе не упускаетъ изъ виду роли разума, оно только старается объяснить, почему разумъ въ каждое время дѣйствовалъ такъ, а не иначе; оно не пренебрегаетъ успѣхами разума, оно только старается найти для нихъ достаточную причину“ (стр. 136).

Почему разумъ въ каждое данное время дѣйствовалъ такъ, а не иначе? Но проявленія разума, какъ и всякия вообще явленія, подчинены своимъ законамъ, и эти законы суть законы психологіи и логики, законы духовнаго развитія. Экономическій материализмъ этого-то знать какъ будто и не хочетъ. Г. Струве выводить идей не изъ идей, а изъ фактovъ<sup>1)</sup>: для того, какъ рождаются идеи, есть свои законы, и есть законы порожденія фактovъ фактами, но экономическому материализму предстоить еще доказать

<sup>1)</sup> См. выше, стр. 142—143.

теорему г. Струве. Къ счастью, г. Бельтовъ открылъ путь для вывода идей, существующихъ въ настоящее время, изъ фактовъ, которые только еще будутъ существовать, но это еще не доказательство тезиса г. Струве, а лишь его начало (*commencement de preuve*). Но пока мы будемъ думать, что культурное развитіе имѣть въ историческомъ процессѣ такое же значеніе, какъ и экономическое, т.-е., что исторія идей и исторія формъ производства имѣютъ каждая свои законы. На извѣстной ступени культурнаго развитія личности или цѣлаго народа являются, положимъ, идеи свободы совѣсти, свободы мысли, свободы слова и т. п.— идеи, которые начинаютъ опредѣлять собою поведеніе личности или народа. Тотъ или другой видъ свободы становится культурною необходимостью, которая при благопріятныхъ же культурныхъ или политическихъ условіяхъ и осуществляется. Неужели кто-либо, вопреки очевидности, сталъ бы утверждать, что „любой изъ видовъ свободы является только тамъ, тдѣ онъ становится экономическою необходимостью?“ Какъ можетъ экономическая необходимость породить, напр., идею свободы совѣсти? А между тѣмъ слова, поставленные въ ковычки, принадлежать г. Бельтову (стр. 136).

Эти свои „поясненія“ г. Бельтовъ дополняетъ соображеніями, заимствованными у Энгельса о роли первобытныхъ отношеній между полами. Обращеніе Энгельса къ этому фактору я назвалъ существеннымъ измѣненіемъ ученія<sup>1)</sup>, ибо если тутъ и было введенъ все-таки „материалистический“ (біологический, замѣтимъ притомъ, а не соціологический) факторъ, то, благодаря ему, материализмъ Энгельса пересталъ быть исключительно экономическимъ. Мы видѣли еще, что Николаевъ,—если грубо выразить его мысль,—дѣлить всю исторію человѣчества на три эпохи, смотря потому, занимается ли оно „производствомъ“ дѣтей, продуктовъ или идей<sup>2)</sup>). Г. Бельтовъ тоже указываетъ, что было время, когда половыя отношенія опредѣлялись условіями, которые не стояли ни въ какомъ отношеніи къ орудіямъ труда. Итакъ, семья<sup>3)</sup>, по крайней мѣрѣ, имѣть не экономическое происхожденіе; но вовсе не нужно быть экономическимъ материалистомъ, чтобы признавать, что „семейныя отношенія на-

<sup>1)</sup> См. выше, стр. 49—50.

<sup>2)</sup> См. выше, стр. 95.

<sup>3)</sup> Конечно, самаяrudimentарная.

шихъ предковъ измѣнялись въ связи съ развитиемъ ихъ производительныхъ силъ“, что „семья развивалась въ зависимости отъ экономическихъ отношений“, на что особенно налираетъ г. Бельтовъ (139). Но нужно быть именно экономическимъ материалистомъ, чтобы не признавать вліянія на семью не одного только развитія производительныхъ силъ, но и развитія религіи, морали, права и т. п. Между тѣмъ г. Бельтовъ обѣ этомъ молчить даже послѣ заявленія, что въ исторіи „первобытной семьи придется считаться не съ одной только экономіей“. Да, вообще не съ одною экономіей, но и не съ одною зоологіей, какъ это дѣлаетъ г. Бельтовъ. Разъ, однако, Энгельсъ—и по мнѣнію г. Бельтова—семью не выводить изъ одной экономіи, изъ которой экономической материализмъ объясняетъ всѣ соціальные явленія, о существенномъ измѣненіи этого ученія говорить было можно. Затѣмъ по чьему-то адресу г. Бельтовъ замѣчаетъ, что кто-то не позволяетъ объяснить исторію семьи исторіей экономическихъ отношений,—и старается доказать, что, наоборотъ, можно (стр. 140). Да, можно и даже должно, только не одной экономіей, но и біологіей, и психологіей, и исторіей обычая, религіи и морали, права и общественнаго мнѣнія, исторіей кое-какихъ усилий ума и проявленій совѣсти.

Далѣе г. Бельтовъ говоритъ обѣ экономической подкладкѣ права <sup>1)</sup>, находя (совершенно вѣрно), что всѣ попытки идеалистического (исключительно идеалистического, сказалъ бы я) объясненія права ненаучны (стр. 151). Право есть сложный продуктъ экономическихъ и культурныхъ отношений,—не однихъ экономическихъ, но и культурныхъ уже потому, что имѣть отношение не къ однѣмъ вещамъ, но и къ личностямъ, защищая ихъ нематериальные интересы (свободу, честь, добре имя и т. д.), а также и потому, что руководится и соображеніями моральными. Попробуйте, напр., понять исторію римского права безъ вліянія на него со стороны стоической философіи. У права основа двоякая—экономическая и моральная. Но г. Бельтовъ этого знать не хочетъ, допуская лишь существование материального отношения къ праву со стороны членовъ общества. Основа права,—говорить онъ,—всегда реальная, она не можетъ имѣть идеальной основы (стр. 155). Это, вѣроятно, значитъ, что основа права

<sup>1)</sup> Стр. 143. Тутъ г. Бельтовъ критикуетъ мои взгляды на историческую школу права, но это къ экономическому вопросу не относится.

можетъ быть экономическая, но если реальное взять въ болѣе широкомъ смыслѣ, то вѣдь и сознаніе личностью своего достоинства, и признаніе за нею этого достоинства со стороны общества (со стороны закона, власти) тоже достаточно реальны, ибо для личности защищаемой правомъ, эта защита ея достоинства имѣть значеніе самостоятельное наряду съ защитой ея интересовъ (собственности, договорныхъ обязательствъ и т. п.).

Я не считаю доказательствомъ въ пользу экономического материализма и того, что говоритъ г. Бельтовъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: „сознаніе зависимости общественныхъ отношеній отъ состоянія производительныхъ силъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ современную намъ общественную науку, несмотря на неизбѣжный эклектизмъ множества ученыхъ, несмотря на ихъ идеалистические предразсудки“ (стр. 156). Во-первыхъ, внѣшний успѣхъ какой бы то ни было идеи ничего еще не говоритъ въ пользу ея научной вѣрности. Во-вторыхъ, признаніе зависимости общественныхъ отношеній отъ состоянія производительныхъ силъ не есть еще признаніе исключительного характера этой зависимости и не есть признаніе зависимости отъ того же самаго фактора—не общественныхъ только отношеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и догматовъ религіи, и философскихъ системъ, и научныхъ открытій, и всей вообще духовной культуры, какъ того хочетъ экономической материализмъ. Въ-третьихъ, то, что г. Бельтовъ принимаетъ за эклектизмъ, есть результатъ критического отношенія ко всяkimъ догматамъ, ко всяkimъ предразсудкамъ, будуть ли они идеалистическими, или материалистическими, результатъ стремленія изъ каждой доктрины заимствовать то, что въ ней можетъ имѣть хотя бы маленькое научное основаніе.

Поясненія, которыми г. Бельтовъ сопровождаетъ свое изложеніе сущности всей исторической теоріи Маркса, занимаютъ около тридцати страницъ (126—157). Затѣмъ онъ приводить то самое мѣсто изъ книги Маркса „Zur Kritik der politischen Оекономіe“, которое мы уже цитировали <sup>1)</sup> выше (замѣтимъ, что г. Струве такъ скучъ въ своемъ изложеніи экономического материализма, что ограничился лишь ссылкою на то, что въ названномъ сочиненіи „съ полной ясностью высказано материалистическое пониманіе исторіи“, о чёмъ см. стр. 45 „Критическихъ Замѣтокъ“).

<sup>1)</sup> См. стр. 43—44. И у Меринга (см. выше, стр. 105) это мѣсто играетъ роль основнаго изложенія ученія.

Заявленіе Маркса, для которого потребовалось всего 6—7 строкъ, г. Бельтовъ называетъ геніальнымъ открытиемъ: Марксъ-де указалъ на то, что „состояніе собственности, а съ нимъ и всѣ свойства соціальной среды опредѣляются не свойствами абсолютного духа и не характеромъ человѣческой природы, а тѣми взаимными отношеніями, въ которыхъ люди по необходимости становятся другъ къ другу въ общественномъ процессѣ производства своей жизни, т.-е. въ борьбѣ за существованіе“. Если мы не находимъ этого открытия геніальнымъ, то этимъ вовсе, конечно, не умаляемъ значеніе Маркса, оставившаго то себѣ столько прочныхъ слѣдовъ въ науку и въ жизни, что, вырывая изъ лавроваго его вѣнка этотъ листокъ, мы нисколько не ощипываемъ самаго вѣнка. Напрасно, собственно говоря, послѣдователи Маркса вообще называютъ это открытиемъ и, какъ это дѣлаетъ не одинъ г. Бельтовъ (стр. 160), сравниваютъ его съ открытиями Коперника и Дарвина. Мы уже высказывались противъ подобнаго сравненія по поводу именно экономического материализма Маркса (не трогая трудовой теоріи цѣнности и изображенія капиталистического процесса), ибо эту свою идею онъ не обставилъ никакими доказательствами. Повторяю это еще липшній разъ. Г. Бельтовъ говоритъ, что заявлениемъ о независимости состоянія собственности отъ какихъ-то тамъ свойствъ абсолютного духа былъ „нанесенъ смертельный ударъ“ идеализму (стр. 159), какъ будто нѣчто подобное составляло всю сущность идеализма, и какъ будто было трудно додуматься, что искать условій состоянія собственности нужно прежде всего во взаимныхъ отношеніяхъ людей. Съ другой стороны, если такъ опредѣляется именно состояніе собственности, то почему же и „всѣ свойства соціальной среды“ вмѣстѣ съ этимъ состояніемъ должны опредѣляться только тѣми взаимными отношеніями, въ которыхъ люди по необходимости становятся другъ къ другу въ своей борьбѣ за существованіе? Вѣдь этого Марксъ не пытался даже доказывать, какъ не доказывали и всѣ экономические материалисты до гг. Струве и Бельтова включительно. Наконецъ, г. Бельтовъ не указалъ еще на то, что, по словамъ Маркса, отъ экономической структуры общества зависятъ и формы общественнаго сознанія<sup>1)</sup>). Между тѣмъ именно въ экономическомъ материализмѣ особенно и характерно исканіе основъ разныхъ проявленій общественнаго сознанія въ экономической структурѣ

1) См. выше, стр. 43.

обществъ, или, пользуясь терминологієй г. Струве, стремленіе „идей“, выводить „изъ фактovъ“.

Вмѣсто того, чтобы обосновать справедливость мысли, заключенной въ такой концепціи исторіи, г. Бельтовъ старается представить дѣло такимъ образомъ, будто бы до Маркса общественныя отношенія людей объяснялись исключительно только ихъ взглядами, и будто бы ученые не могли понять сознательной дѣятельности людей иначе, какъ въ смыслѣ полной свободы этой дѣятельности, исключающей понятіе о необходимости (стр. 161). Все это прямо,—да позволено мнѣ будеть такъ выразиться,—сочинено г. Бельтовымъ. Въ дальнѣйшемъ г. Бельтовъ доказываетъ только одно, а именно то, что экономической факторъ имѣть въ высшей степени важное и опредѣляющее значеніе въ явленіяхъ правовой и государственной жизни, но если бы даже онъ еще болѣе привелъ подобныхъ же примѣровъ, это нисколько не могло бы служить доказательствомъ того, что экономической факторъ есть единственный и исключительный, и что значеніе его совершенно одинаково и въ области отношеній юридическихъ и политическихъ, и въ области духовной культуры. Съ другой стороны, г. Бельтовъ признаѣтъ взаимодѣйствіе между политикой и экономикой (стр. 169) и даже подчеркиваетъ, что это процессъ *крайне сложный* (стр. 170), но въ томъ-то и заключается слабая сторона экономического материализма, что имъ *чрезчуръ упрощается* вся пестрота и сложность историческихъ явлений сведеніемъ ихъ къ одному базису. Въ извѣстномъ и, конечно, ограниченномъ смыслѣ экономической материализмъ, не споримъ, указываетъ на дѣйствительныя явленія, но именно только въ извѣстномъ и ограниченномъ смыслѣ. Когда г. Бельтовъ говоритъ, что характеръ экономической структуры общества „отражается“ на всей психологіи людей, на всѣхъ ихъ привычкахъ, нравахъ, взглядахъ и стремленіяхъ (стр. 171), мы это понимаемъ и принимаемъ. Но одно дѣло—отражаться, и другое дѣло—порождать; а именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ экономической материализмъ и разматриваетъ всю духовную культуру и общественную организацію народовъ, какъ „функцию“ экономической структуры. Г. Бельтовъ видитъ, что безъ психологіи объяснить исторической процессъ, однако, не приходится. Но едва ли онъ остается самъ на почвѣ экономического материализма и едва ли вѣрно толкуетъ мысль его родоначальника, утверждая, будто у Маркса „и экономія общества, и его психологія, представляютъ двѣ стороны

одного и того же явленія". Мы думаемъ, что г. Бельтовъ здѣсь выразился не совсѣмъ удачно, потому что нѣсколькими строками ниже онъ разсматриваетъ самъ экономію и психологію, не какъ двѣ стороны одного и того же явленія, а какъ двѣ производныя одной и той же основы. Марксъ не могъ сказать того, что приписывается ему г. Бельтовъ, ибо у него прямо экономія объявляется реальнымъ базисомъ, надъ которымъ вырастаетъ общественное сознаніе, а между тѣмъ, утверждая, такъ сказать, равносильность экономіи и психологіи, г. Бельтовъ говоритъ при этомъ буквально слѣдующее: „Экономія сама есть нѣчто производное, какъ и психологія (стр. 172);... только въ популярной рѣчи,— прибавляетъ онъ,— можно говорить объ экономіи, какъ о *первой причинѣ* всѣхъ общественныхъ явленій. Далекая отъ того, чтобы быть первичной причиной, она сама есть слѣдствіе, функція производительныхъ силъ" (стр. 173). Договорившись до такого утвержденія, г. Бельтовъ самъ спохватывается въ томъ, что „проницательные критики" могутъ поймать его въ противорѣчіи съ самимъ собою, а, главное, съ Марксомъ (стр. 175). Но нашъ авторъ увѣряетъ, что тутъ нѣть никакого противорѣчія въ пониманіи взаимныхъ отношеній между экономіей и психологіей. Основная мысль экономического матеріализма заставляетъ психологію „приспособляться" къ экономіи. Но самъ г. Бельтовъ признаѣтъ, что психологическая эволюція можетъ „предшество- вать" экономической, даже „опережать" ее; только ему кажется, что при этомъ психологія „ни на минуту не перестаетъ приспо- собляться къ экономіи", ибо, поясняетъ г. Бельтовъ, „она приспо- собляется къ экономіи будущаго", „къ новымъ будущимъ отно- шеніямъ производства" (стр. 176). Такимъ образомъ, для спасенія зависимости психологіи отъ экономіи г. Бельтовъ дѣлаетъ будущіе факты причинами настоящихъ идей, иначе—заставляетъ слѣдствіе предшествовать причинѣ, позволяетъ результату опе- режать во времени самое появленіе того, чѣмъ этотъ результатъ былъ порожденъ. Г. Струве только заявилъ, что экономический матеріализмъ выводить всѣ общественные идеи изъ экономиче- скихъ фактovъ, то какъ это дѣлается до изложенаго открытія г. Бельтова оставалось тайной. Однако, объясненіе уже суще- ствующаго (извѣстныхъ идей) изъ того, чего еще не суще- ствуетъ, есть ниспроверженіе не только какого бы то ни было матеріализма, но даже и самого умѣреннаго реализма.

Чѣмъ далѣе мы подвигаемся, слѣдя за изложениемъ г. Бель-

това, тѣмъ все болѣе и болѣе авторъ или приводить такія соображенія, которыя, будучи вѣрными, отнюдь не заключаютъ въ себѣ какихъ бы то ни было доказательствъ въ пользу экономического материализма, или же говорить вещи, ограничивающія экономическій материализмъ и даже ему противорѣчащія. Такова, напр., мысль о томъ, что общество должно достигнуть извѣстной степени благосостоянія, чтобы въ немъ могли явиться философія, наука и искусство: здѣсь „экономія“ есть необходимое внѣшнее условіе, а не внутренняя производящая причина. Или еще г. Бельтовъ замѣчаетъ, что экономические взгляды Аристотеля не похожи на экономические взгляды Адама Смита, какъ будто бы кто-либо отрицалъ, что экономическая (именно экономическая, а не какія-либо другія) идеи зависятъ отъ экономическихъ фактовъ эпохи (стр. 177). Таковы, или приблизительно таковы и другія соображенія г. Бельтова по вопросу объ „идеологической надстройкѣ“ надъ экономической структурой.

До какихъ положеній доходитъ тутъ иногда г. Бельтовъ, это можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Если Марксъ понимаетъ среду исключительно въ экономическомъ, соціальномъ смыслѣ, то самую полную ему противоположность въ этомъ отношеніи представляетъ собою Тэнъ, понимающій среду исключительно въ психологическомъ, культурномъ смыслѣ<sup>1)</sup>). Г. Бельтовъ приводитъ изъ „Философіи искусства“ Тэна длинную выдержку, въ которой говорится, что всякое художественное произведение и каждая философская система могутъ быть объяснены только состояніемъ умовъ и нравовъ данного времени. Да вѣдь противъ этого экономическому материализму нужно было бы протестовать, а г. Бельтовъ между тѣмъ говоритъ: „со всемъ этимъ безусловно согласится любой послѣдователь Маркса“ (стр. 184). Едва ли безусловно. Самъ же г. Бельтовъ немедленно заявляетъ, что экономические материалисты расходятся съ Тѣномъ въ пониманіи основного начала, такъ какъ для Тэна задача исторіи, какъ науки, есть въ послѣднемъ счетѣ психологическая задача. Только по этому вопросу,—говорить г. Бельтовъ,—экономические материалисты расходятся съ Тѣномъ“ (стр. 185). Это „только“ весьма характерно: г. Бельтовъ „безусловно“ соглашается съ Тѣномъ, но „только“ не соглашается съ нимъ по самому основному пункту. Такъ авторъ разрѣшаетъ вопросъ. Мы долго не кон-

<sup>1)</sup> См. выше, стр. 12—13 и 31.

чили бы, если бы разбирали возврѣнія г. Бельтова шагъ за шагомъ. Иногда онъ высказываетъ, впрочемъ, мысли совершенно вѣрныя, но, къ его несчастію, эти мысли, на нашъ взглядъ по крайней мѣрѣ, не за него, а противъ него. Напр., онъ говоритъ такъ: „чтобы понять состояніе умовъ каждой данной критической эпохи, чтобы объяснить, почему въ теченіе этой эпохи торжествуютъ именно тѣ, а не другія ученія, надо предварительно ознакомиться съ состояніемъ умовъ въ предыдущую эпоху, надо знать, какія ученія и направленія тогда господствовали. Безъ этого,—заявляетъ самъ г. Бельтовъ,—мы совсѣмъ не поймемъ умственного состоянія данной эпохи, какъ бы хорошо мы ни узнали ея экономію“ (стр. 194—195). Это совершенно вѣрно, но, къ сожалѣнію, экономической материализмъ въ лицѣ одного изъ своихъ родоначальниковъ прямо заявилъ, что объясненія какой-либо эпохи нужно искать не въ головахъ людей, а въ измѣненіи способовъ производства и обмѣна, не въ философіи, а въ экономіи этой эпохи. Самъ г. Бельтовъ по свойственной ему привычкѣ тотчасъ же старается истолковать свое противорѣчие въ благопріятномъ для себя смыслѣ и опять-таки по своей же привычкѣ прибѣгаешь къ новымъ разсужденіямъ, въ которыхъ, такъ сказать, закутываетъ простой и ясный вопросъ въ разныя ненужности и мало относящіяся къ дѣлу подробности. Онъ признаѣтъ существованіе особыхъ законовъ развитія человѣческой мысли и даже къ чему-то прибавляеть, что никто изъ экономическихъ материалистовъ „не отожествлялъ законовъ логики съ законами товарного обращенія“ (стр. 197). Никто, однако, не обвинялъ экономическихъ материалистовъ въ томъ, чтобы они говорили подобную нелѣпость. А затѣмъ идутъ разсужденія о зависимости генія отъ окружающей его среды (стр. 200—201), о томъ, далѣе, что мы, впрочемъ, никогда не сумѣемъ объяснить вліяніемъ среды всю индивидуальность генія (стр. 202), о томъ, что субъективный методъ въ соціологии<sup>1)</sup> есть нелѣпость (стр. 204—205), что съ точки зрења Маркса<sup>2)</sup> нельзя противопоставлять взглядовъ личности, какъ субъективныхъ, взглядамъ толпы, какъ чему-то объективному (стр. 205—206) и пр. и пр., вплоть до заявленія о томъ, что „теорія Маркса (у автора не сказана какая, т.-е. экономической ли материализмъ, или его формула

<sup>1)</sup> Замѣчу, что о субъективномъ „методѣ“ лично я никогда не говорилъ и даже вооружался противъ такого словоупотребленія.

<sup>2)</sup> И для насъ тоже.

капиталистического процесса, обещающая лучшее будущее) есть самая идеалистическая теорія, которая когда-либо существовала въ исторіи человѣческой мысли“ (стр. 207). Этими соображениями читатель отвлеченъ отъ вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ психологии и экономіи, а далѣе его ждетъ рядъ новыхъ разсужденій, за которыми вопросъ и совсѣмъ забывается. Выводъ получается тотъ, что „рѣдкій мыслитель сдѣлалъ такъ много, какъ Марксъ, для развитія своихъ основныхъ положеній“ (стр. 210).

Экономический материализмъ даже его сторонники упрекали въ томъ, что у него нѣтъ „великой книги“ въ томъ смыслѣ, что у дарвинизма, напр., есть „Происхожденіе видовъ“. Понятно, что тутъ рѣчь могла идти лишь о книгѣ въ буквальномъ смыслѣ, т.-е. о сочиненіи. Какъ нѣтъ книги?!—восклицаетъ г. Бельтовъ. „Есть даже нѣсколько книгъ, одна другихъ лучше выражающихъ историческую теорію Маркса“. „Первая книга—это исторія философіи и общественной науки, начиная съ конца прошлаго столѣтія... Вторая книга—это „Капиталъ“... Третья книга—это исторія европейскихъ событий, начиная съ 1848 г.“ (стр. 210). О первой и третьей книгахъ, какъ о книгахъ, можно говорить лишь въ переносномъ смыслѣ. Настоящая книга есть только вторая, но она, какъ мы видѣли, заключаетъ въ себѣ обоснованіе „марксизма“ минус „экономической материализмъ“, по которому Марксъ не написалъ никакой книги. Г. Бельтовъ пытается доказать, что исторические взгляды Маркса тѣсно связаны съ его экономической теоріей, но приемъ его тутъ чисто реторический, а не логический. Вѣдь въ самой исторической теоріи Маркса двѣ стороны: сведеніе всего культурнаго и соціального содержаніе исторіи къ экономической основе и объясненіе процесса возникновенія и развитія капитализма, и вторая сторона стоитъ въ связи съ его теоріей цѣнности, а первая—нѣть<sup>1</sup>). Г. Бельтовъ не разлагаетъ исторической теоріи Маркса на ея составные элементы и аргументируетъ такъ: Марксъ въ I томѣ „Капитала“ говоритъ, что цѣнность есть общественное отношеніе производства, а признаніе этого заставляетъ признать его историческую теорію, ибо „разъ вы признаете, что существующія независимо отъ воли людей, действующія за ихъ спину, ихъ собственные отношенія производства отражаются въ ихъ головахъ (!) въ видѣ различныхъ категорій политической экономіи, въ видѣ цѣнности, въ

<sup>1</sup>) См. выше, стр. 24 и слѣд.

видѣ денегъ (это въ головахъ-то!), въ видѣ капитала (тамъ же!!) и т. п., то вы тѣмъ самыи (?) признаете, что на извѣстной экономической почвѣ непремѣнно (?) выростаютъ извѣстныя соответствующаѧ характеру идеологическія надстройки” (стр. 211—212). И все тутъ! Это—доказательство того, что теорія цѣнности и концепція экономического материализма связаны между собою. Увѣровать въ то, что это такъ, можно (*credo quia absurdum*), но уразумѣть этого положительно нельзѧ. Далѣе говорится, что если историческая теорія Маркса (какая же?) не вѣрна, то значитъ не вѣрны его объясненія французской исторіи 1848—1851 гг. (стр. 212). Нѣть, послѣднія могутъ быть очень вѣрна, то, значитъ, не вѣрны его объясненія французской исторіи рой французской республики, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы было вѣрно его утвержденіе объ исключительно экономическомъ происхожденіи всѣхъ культурныхъ и соціальныхъ фактovъ на протяженіи всей всемирной исторіи. Это не аргументація, какъ не аргументація и то, будто экономический материализмъ такъ же хорошо обоснованъ, какъ и біологический эволюционизмъ книгою Дарвина (стр. 213 и слѣд.). Все, что здѣсь говорится въ защиту „Капитала“, бѣть мимо цѣли, ибо „Капиталъ“ обосновываетъ теоріи, логически съ экономическими материализмомъ не связанныя, а обосновывать этотъ послѣдній Марксъ и не ставилъ задачею своего „Капитала“. Полемика направо и налево съ лицами, „не понимающими“ Маркса, и притомъ по вопросамъ, часто къ дѣлу прямо не относящимся (опять личность, общественная закономѣрность и т. д.), снова отвлекаетъ внимание читателя отъ главной темы.

„Заключеніе“ въ книгѣ г. Бельтова содержитъ въ себѣ разсмотрѣніе вопроса о практическомъ примѣненіи формулы Маркса, обобщающей исторію капитализма, къ современнымъ отношеніямъ, т.-е. къ тому, что составляетъ главную суть книги г. Струве. Этотъ вопросъ собственно къ исторіологической концепціи экономического материализма не имѣть никакого отношенія, какъ ни хотѣлось бы г. Бельтову думать иначе. Поэтому въ настоящей нашей работѣ вопросъ этотъ мы совершенно устраляемъ, тѣмъ болѣе, что намѣрены его коснуться въ V томѣ своей „Истории западной Европы въ новое время“<sup>1</sup>). Оставляемъ безъ разсмотрѣнія и полемическое приложеніе, касающееся

<sup>1)</sup> Обѣщаніе уже исполнено.

„тріады“ Гегеля. Ни для критики, ни для обоснованія экономического материализма здѣсь ничего нѣтъ.

Замѣчу въ заключеніе, что книга г. Бельтова не заставила меня сдѣлать ни малѣйшихъ измѣненій въ томъ, какъ я излагаю генезисъ экономического материализма. Г. Бельтовъ, върный въ данномъ случаѣ діалектическому методу, представилъ исторію общихъ историческихъ взглядовъ XVIII и XIX в., какъ чисто логической процессъ, и я на его мѣстѣ, вѣроятно, поступилъ бы нѣсколько болѣе въ согласіи съ тѣмъ, что г. Бельтовъ считаетъ сущностью экономического материализма, т.-е. показалъ бы, какъ развитіе реальныхъ отношеній XVIII и XIX вв. отразилось на исторіографіи. Впрочемъ, поступая такъ, какъ онъ поступилъ въ данномъ случаѣ, г. Бельтовъ отдалъ должную дань (даже, быть можетъ, большую, чѣмъ слѣдовало) отвергаемому имъ историческому идеализму.

---

## X. Отношеніе къ экономическому материализму критиковъ гг. Струве и Бельтова.

---

Книги гг. Струве и Бельтова вызвали въ нашихъ журналахъ цѣлый рядъ критическихъ статей и замѣтокъ, въ большинствѣ случаевъ неблагопріятныхъ для тѣхъ ідей, защитниками которыхъ оба автора выступили въ этихъ книгахъ. Критикѣ были подвергнуты разныя стороны проповѣдуемыхъ ими теорій, и несогласіе выражено было по поводу разныхъ спорныхъ пунктовъ. Между прочимъ, обращалось при этомъ болѣшее или меныше внимание и на экономической материализмѣ. Не касаясь споровъ о діалектическомъ методѣ и роли личности въ исторіи, о субъективной соціологии и народничествѣ, о капитализмѣ и русской общинѣ, о ходѣ экономического развитія на Западѣ и у насъ, мы остановимся въ этой главѣ на тѣхъ мѣстахъ во всей этой полемикѣ, которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ главному предмету настоящей работы, т.-е. къ экономическому материализму, опять-таки разумѣя подъ нимъ историческую теорію, по которой въ основѣ всѣхъ культурныхъ и соціальныхъ явлений въ жизни